

Интеграция ОПК и Литературы.

Текст выступления
учителя гимназии №66 г.Краснодара
Минаевой Анастасии Геннадьевны
на заседании РМО учителей ОПК МО Тимашевский район
23.03.2016 г.

Я преподаю и литературу, и основы православной культуры. ОПК для меня предмет новый, я веду его только второй год, и не о каких преднамеренных интеграциях в уроки литературы не задумывалась.

Очень много мы говорим о духовно-нравственном воспитании, о патриотизме, о добре и зле. Но это только слова пока мы не наполним их содержанием. Не будем сейчас поробно говорить о том, почему именно православная Истина должна эти понятия наполнять, слишком много об этом сказано. Но если принять за норму то, что точка отсчета при анализе произведения - Православие, что **религиозно комментировать каждого писателя – это нормально.**

И тут нужно признать, что нет иных критериев Православия, которые бы пребывали вне Священного Писания и Священного Предания Церкви Христовой, вне догматов православного вероучения.

И в свете Евангельской Истины очень многие произведения выглядят иначе. И многие духовно-нравственные опросы можно объяснить полнее.

Попробуем посмотреть на несколько произведений русской литературы разных эпох.

Древнерусская литература. Самое, наверное, сложное и неподъемное, то есть в курсе литературы. Летописи, жития, Слово о полку Игореве.

Но когда мы говорим о летописях, мы можем рассказать о том, что такое для древнерусского человека была Родина.

"Временник сия есть нарицается летописанием князей Земли Русския и Како Бог избрал землю нашу на последние времена". так начинается летопись.

То есть Зачем, для какой цели Господь избрал нашу землю?

В Повести временных лет летописец вписывает русских в контекст библейской истории - рассказывая о переселении народов после потопа, Русь оказывается в Иафетовой части земли. И в сознании древнерусского человека нет попытки подражать, оглядываться на другие страны. Нет. Русская идея для него гораздо масштабнее чем для русского европейца 19 века.

Чувствуя свое равноправие среди других народов, русский человек пытается понять вселенский замысел Бога о своей земле. И это определяло все мировоззрение древнерусского человека.

Посмотрим на летописи.

Летописец внимателен к каждому событию, фиксируются даже годы, в которые ничего не произошло: "Бысть - тишина". И это важно, потому что каждый год связывался не по цепочке друг с другом - все они были связаны с началом времен (сотворением мира). Поэтому каждое действие отдельного человека вплеталось в общую ткань соборной народной жизни. А дела, описываемые в летописи, оценивались концом времени - страшным Судом. И каждый человек понимал, что все, что им сделано непременно связано с жизнью страны.

Будущее для летописца было то, что случится после Страшного Суда. Тем самым время оказывалось нравственной категорией - нет прошлого, настоящего и будущего как идущих друг за друге действия - все - единые события, рассмотренные сквозь призму Апокалипсиса.

Поэтому вся русская духовная жизнь стала поиском практических путей спасения. Уподобление Христу, Святость - вот что лежало в основе русского самосознания. А Русь оказалась избранной для хранения православной веры на "последнее времена", то есть до Страшного Суда. Отсюда и идеал русского человека - **Святая Русь. И тут хорошо вспомнить слова Святителя Филарета Московского: «Худой гражданин земного отечества и небесного недостоин».**

Или Слово о полку Игореве. Мы все делаем акцент на Единение Русских Земель, славе князей, на колдовских корнях плача Ярославны. И совсем забываем, что Слово – это история духовного становления одногогероя. Князь Игорь, который от гордыни, желания власти и славы пришел к истинному покаянию, самопожертвованию и самоуничижению ради родной земли.

Можно при подготовке к урокам обратиться к летописи

Игорь же Святославич в то время находился у половцев, и говорил он постоянно: «Я по делам своим заслужил поражение и по воле твоей, владыка господь мой, а не доблесть поганых сломила силу рабов твоих. Не стою я жалости, ибо за злодеяния свои обрек себя на несчастья, которые я и испытал». Половцы же, словно стыдясь доблести его, не чинили ему никакого зла, но приставили к нему пятнадцать стражей из числа своих соплеменников и пять сыновей людей именитых, и всего их было двадцать, но не ограничивали его свободы: куда хотел, туда ездил и с ястребом охотился, а своих слуг пять или шесть также ездило с ним. Те стражи его слушались и почитали, а если посылал он кого-либо куда-нибудь, то беспрекословно исполняли его желания. И попа привел из Руси к себе с причтом, не зная еще божественного промысла, но рассчитывая, что еще долго там пробудет. Однако избавил его господь по молитвам христиан, ибо многие печалились о нем и проливали слезы.

И побег Игоря - это знак смирения-

Когда же был он у половцев, то нашелся там некий муж, родом половчин, по имени Лавр. И пришла тому мысль благая, и сказал он Игорю: «Пойду с тобою в Русь». Игорь же сначала не поверил ему, к тому же лелеял он дерзкую надежду, как это свойственно юности, замышляя бежать в Русь вместе со своими мужами, и говорил: «Я, страшась бесчестия, не бросил тогда дружину свою, и теперь не могу бежать бесславым путем». С Игорем же были сын тысяцкого и конюший его, и те убеждали князя, говоря: «Беги, князь, в землю Русскую, если будет на то божья воля — спасешься». Но все не находилось удобного времени, какого он ждал. Однако, как говорили мы прежде, возвратились половцы из-под Переяславля, и сказали Игорю советчики его: «Не угоден богу твой дерзкий замысел: ты ищешь случая бежать вместе с мужами своими, а что же об этом не подумаешь: вот приедут половцы из похода, и, как слышали мы, собираются они перебить и тебя, князь, и мужей твоих, и всех русских. И не будет тебе ни славы, ни самой жизни». Запал князю Игорю в сердце совет их; испугавшись возвращения половцев, решил он бежать.

А вот это же событие, но из лаврентьевской летописи:

Все это свершилось из-за грехов наших, так как умножились грехи наши и преступления. Бог ведь казнит рабов своих различными напастями, и огнем, и водой, и войной, и иными различными бедами; христианам, многое перенесшим, суждено будет войти в царство небесное. Согрешили и казимы, как поступали, за то и получили, но наказывает нас справедливо господь наш, и пусть никто не посмеет сказать, что ненавидит нас бог — не будет этого! Так любит, как возлюбил нас, когда муки принял нас ради, чтобы избавить нас от дьявола.

И тогда становится понятен пафос Слова, тогда можно говорить о не осуждении Игоря, о том, почему все-таки князьям поется слава!

Древнерусская культура, по мнению и западных, и русских исследователей, - вершина восточнохристианской культуры. Когда на Западе энергично развивалась схоластика и философия, на Руси работа ума нашла себя в пластических формах иконы. Недаром древнерусскую иконопись называют "Умозрением в красках". А Павел Флоренский утверждал, что есть еще одно доказательство Бытия Бога - Троица Рублева. "Если есть Троица Рублева, то и Бог есть". Норма жизни древнерусского человека совпадала с нормой веры, а значит норма эта была применима везде. Мы знаем, что на иконах в руках у Святых и у Самого Христа открытое или закрытое Евангелие. Тексты на свитках меняются в зависимости от того, кто изображен на иконе, кто автор иконы, когда она была написана.

Например, на Новгородской иконе 13 века Спас в силах начертаны слова о любви: "Я свет миру: кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни". Эти слова иконописец использует, потому что к 13 веку, несмотря на то, что власть в Новгороде постоянно меняется, город растет, становится главной торговой сетью, связанной со всеми странами мира. Таким образом, Новгород, действительно, "дает свет всему миру". И каждый пришедший в храм, вчитываясь в слова Христа, помнил, что только любовью и светом побеждается тьма. А вот на тверской иконе 14 века Христос изображен с закрытым Евангелием. В 14 веке Тверь переживала не лучшие времена. Разорения, пожары, неурожаи, жестокая расправа после восстания против татар, смерть тверских князей - Михаила и Александра. Это время бед и несчастий. Все это нашло отражение и в иконе. Лик Христа печален, Евангелие закрыто. Иконописец словно показывает, что люди не вняли словам Спасителя, что Христос молчит, призывая к покаянию. И это закрытое Евангелие должно было стать для верующего сильным эмоциональным потрясением.

Перескажем через несколько столетий и посмотрим на Григория Александровича Печорина. Здесь тоже можно рассматривать **понятие покаяния, а еще понятие честности.**

Для него ключевой вопрос - вопрос о вере и безверии. Печорин безысходно одинок, он изгнал Бога из своей души, он возвеличивается над другими, переполнен гордыней. В нем нет смирения, нет внутренней свободы. Печорин понимает это, кокетничая с княжной Мери, он увлекается и произносит искреннее, страшное признание:

"я сделался нравственным калекой". Удивительно, что, ощущая свою духовную неполноценность, он не видит ее причин, обвиняет весь мир, людей, время, постоянно оправдывает себя. На страницах романа разыгрывается трагедия безбожия героя, ищущего выхода, спасения, но уже не способного каяться.

Исповедь без покаяния - состояние мучительное, Печорин занят только собой, анализирует себя, вместо того, чтобы каяться. Он искренен в своем нераскаянии. Трезво осознает свои пороки, но не видит в них греха.

Он честен перед собой – и это очень волнует наших детей. Но что стоит его честность, замкнутая на себе и злая.

И поиск такой безрезультатен, пока не обретена свобода духовная. А ее и дает покаяние. Причем не просто механическое проговаривание своих пороков. Ведь Печорин очень жестоко препарировал свою душу. Но покаяние без Бога приводит к отчаянию. Православие дает человеку возможность вырваться из этого отчаяния - это Таинства Исповеди и Причастия. Но Печорин слишком охвачен гордыней - даже искренние слезы его - не слезы раскаяния, а страх потерять власть над Верой.

Бездомность, неприкаянность Печорина - вот тот духовный крах, который уготован герою. Он, действительно, "лишний человек", и он сам себя обрек на страшное одиночество. Судьба Печорина -

хорошая иллюстрация рассуждений с ребятами о гибельности для человека уныния, страстей, сомнения, мечтательности. И если мы, учителя, правильно расскажем об этом, возможно, некоторые детские вопросы не останутся без ответа.

От века 19 можно перейти в 20 век и таким же образом, то есть сквозь призму Истины посмотреть на век серебряный. И тут важно делать акцент не на отличии символизма от акмеизма, а на содержательном аспекте модернизма как периода возрождения религиозности. Но вот только что это за религиозность? Кто здесь - Богочеловек или человекобог.

Бог начинает сознаваться декадентами лишь как "гипотеза", в которой человек не имеет нужды (Лаплас), поскольку "Бог умер" (Ницше), поскольку без Бога помрачённое сознание человека начинает ощущать себя комфортнее и вольнее. Начинается процесс самообезжествления человека человека, неявное проявление идеи человекобожия. Весь мир, все истины становятся малозначительными перед напором самоутверждающейся вольной фантазии творца-художника. Соблазнительное "будете как боги" находит для себя в искусстве особо питательную почву.

Ну вот, например, трилогия вочеловечения у Блока. Блока Ахматова назовет "трагическим тенором эпохи"...

В 1916 году Блок собрал в три тома все циклы своих стихотворений и назвал эти три тома «Трилогия вочеловечения»...

В одном из писем поэту А.Белому Блок пишет:

«Таков мой путь — „трилогия вочеловечения“ (от мгновения слишком яркого света — через необходимый болотистый лес — к отчаянию, проклятиям, „возмездию“ и... — к рождению человека „общественного“, художника, мужественно глядящего в лицо миру)»...

Путь Вочеловечения – ... Что подразумевал Блок под этими словами? Что значило для него «рождение человека, мужественно глядящего в лицо миру»...

Рассмотрим ключевые образы всех трех томов - *Прекрасная дама, Незнакомка, Русь...*

Вхожу я в темные храмы, свершаю древний обряд...поэт жаждет встречи с Прекрасной Дамой. Мы прекрасно знаем, что это образ соловьевской Софии, Вечной Женственности, которую поэт жаждет обрести. Блока уже тянет узреть за реалиями бытия нечто мистически-таинственное, определяющее это бытие. Его тянет соблазняющая тайна.

О. Павел Флоренский утверждал: "Мистика Блока подлинна, но — по терминологии Православия — это иногда "прелесть", иногда явное бесовидение, видения его подлинные, но это видения от скудости, а не от полноты". В этой мистической реальности он стремится укрыться от реальности обыденной.

Позднее вспоминая о ранних годах, Блок записал в Дневнике: "Начало богоборчества. Она продолжает медленно принимать неземные черты". Именно Высшую Премудрость пытается обрести Блок. Именно с ней ждет встречи. И Прекрасная дама, такая недостижимая, и есть символ этой Высшей Премудрости. Вот только она ничего общего не имеет с Софией, как Премудростью Божией. она - то магическая, обольстительная, искусительная идея Соловьева. Происходит подмена понятий. Вроде бы реалии христианские, но смысл в них не тот. и вот тут важно показать детям ужас ПОДМЭНЫ.

И после прекрасной дамы эта вечная женственность воплощается в незнакомке.

Говоря о Незнакомке, Блок в своих дневниках писал:

“За призрачной Незнакомкой, - разумеется, глубине, на самом дальнем фоне – но все-таки неизменно встает – Врубель. Если бы я обладал средствами Врубеля, я бы создал Демона, но всякий делает то, что ему назначено”.

Жизни сон тяжёлый он развернул во всей его пошлости. Пошлость, неистребимая пошлость царит в этом мире.

По вечерам над ресторанами
Горячий воздух дик и глух,
И правит окриками пьяными
Весенний и тлетворный дух.
Вдали, над пылью переулочной,
Над скукой загородных дач,
Чуть золотится крендель булочной,
И раздаётся детский плач.
И каждый вечер, за шлагбаумами,
Заламывая котелки,
Среди канав гуляют с дамами
Испытанные остряки.
Над озером скрипят уключины
И раздаётся женский визг,
А в небе, ко всему приученный,
Бессмысленно кривится диск.
И каждый вечер друг единственный
В моем стакане отражен
И влагой терпкой и таинственной
Как я, смирен и оглушен.
А рядом у соседних столиков
Лакеи сонные торчат,
И пьяницы с глазами кроликов
«Invinoveritas!» кричат.
И каждый вечер, в час назначенный
(Иль это только снится мне?),

Девичий стан, шелками схваченный,
В туманном движется окне.
И медленно, пройдя меж пьяными,
Всегда без спутников, одна,
Дыша духами и туманами,
Она садится у окна.
И веют древними поверьями
Ее упругие шелка,
И шляпа с траурными перьями,
И в кольцах узкая рука.
И странной близостью закованный,
Смотрю за темную вуаль,
И вижу берег очарованный
И очарованную даль.
Глухие тайны мне поручены,
Мне чье-то солнце вручено,
И все души моей излучины
Пронзило терпкое вино.
И перья страуса склоненные
В моем качаются мозгу,
И очи синие бездонные
Цветут на дальнем берегу.
В моей душе лежит сокровище,
И ключ поручен только мне!
Ты право, пьяное чудовище!
Я знаю: истина в вине.

Все́му этому и противопостоит она — воплощение мечты, поднимающей воспалённое восприятие жизни над пошлостью реальной действительности. И приходит она — "отражённая в стакане", в оглушённости и смиренности вином, опьянением.

Блок был соблазнён, очарован своими демонами-двойниками. Хотя знал, как соблазняет демон душу. третий том открывается циклом «Страшный мир»... Блок полностью погружается в этот ад. Уже нет даже мечты о мистическом, это уже даже не синий призрак, это безысходность. известные строчки Блока, давайте еще раз обратимся к ним: ночь. улица. фонарь. Аптека.

Стихотворение закольцовано, смысла в жизни нет, выхода как будто нет, но Блок его находит... Русь! вот смысл.

Любовь его к родине несомненна, но каково наполнение этой любви? Для него Россия только источник душевного подъёма, питающий поэтическую энергию.

Поэтическое воображение Блока рождает дотоле неведомый образ: "Русь-жена". Прежде в родине виделось всегда и всем материнское начало. Теперь это — "жена моя". Всё та же "Вечная Подруга"... Новое звено в цепи перевоплощений. В цикле "Родина" — эта подруга становится олицетворением непостижимых страданий.

Образ жены явлен в поэтических раздумьях "На поле Куликовом". Это гениальное создание Блока, входящее в цикл "Родина", менее всего есть размышление над историей, над судьбою Русской земли даже, но отражение внутреннего состояния поэта, для которого давнее событие лишь повод к самораскрытию, к символизации собственных переживаний, собственных смятенных дум. "Поле Куликово" — это внутреннее поле поэта, символизированное через историческую (битва) и географическую (поле битвы) реалии. "Вечный бой" в душе и поиск поддержки для иссякающих сил.

Что в той битве? Борьба нескончаемая страстей в душе? Или борьба со страстями? Поэт призывает молиться, но покой для сердца отвергает. Клубок противоречий. Ибо покой — сущностный признак святости, покой во всём составе человека. Молитва необходима для обретения покоя. От всех этих соблазнов непросветлённые страдания, "кровавый отсвет в лицах", "роковая пустота". И осознание своего недостойства...

путь вочеловечевания оказался трагическим, страшным, потому что случилась подмена истины.

И закончится все для Блока Христом.. но Христом ли? "В белом венчике из роз - впереди Иисус Христос"... Вот он результат подмены. Страшный финал. Нет здесь надежды. Этот "Иисус Христос" появляется, как разрешение чудовищного страха, нарастание которого выражено девятикратным окриком на призрак и выстрелами, встреченными долгим смехом вьюги. Страх, тоска и тревога — существенный признак бесовидения, указываемый святоотеческой литературой.

Г.Иванов, младший современник Блока, хорошо его знавший, утверждал позднее: "За создание "Двенадцати" Блок расплатился жизнью. Это не красивая фраза, а правда. Блок понял ошибку "Двенадцати" и ужаснулся её непоправимости. Как внезапно очнувшийся лунатик, он упал с высоты и разбился. В точном смысле слова он умер от "Двенадцати", как другие умирают от воспаления лёгких или разрыва сердца".

Перед смертью поэт бредил об одном и том же: требовал отыскать все экземпляры поэмы и уничтожить их.

А вот посмотрим на военную литературу. Вообще на военной литературе хотелось бы остановиться подробнее. Когда я попыталась соединить в одном вопросе понятия война, духовность, подвиг, русский народ, ответом от детей я получила размышления о Великой отечественной Войне.

После Великой Отечественной Войны в русской литературе возник целый пласт, посвященный военным реалиям. Это были произведения разных лет, от написанных в окопах стихотворений, до повестей, появившихся через 10-20 лет после последних боев, когда люди получили возможность осознать происходившее. Конечно, эти произведения были включены в школьную программу не сразу. И, во всяком случае, не сразу она приобрела современный вид: за долгие годы, понемногу, отфильтровывалось то лучшее, что не утратило своей актуальности и по сегодняшний день, что можно предложить ученикам.

Возможно, потому что многие произведения были введены в него недавно или из-за небольшого количества часов, выделенных на его освоения, литературы, посвященной курсу, существует очень мало.

Много можно привести ярчайших художественных примеров прорастания религиозно-национальных смыслов сквозь ледяную толщу марксистско-ленинской идеологии. Особенно крепкие всходы дал народный подвиг в Великой Отечественной войне. Хочется много и подробно говорить о великой литературе этого трагического периода нашей истории. В огне страданий, в пылающем океане всенародной жертвы начал растапливаться лед чуждой России идеологии. В подтверждение этой неисчерпаемой темы приведу строфу из поэмы А.Твардовского “Василий Теркин”

А всего иного пуще

Не прожить наверняка –

Без чего? Без правды сущей,

Правды, прямо в душу бьющей.

Да была б она погуще,

Как бы ни была горька.

Без этих истоков, без этой непобедимой, живой, пробивающейся сквозь века и различные социальные системы “правды сущей”, мы не одолели бы фашистскую Германию, которой помогала вся Европа, не дошли бы до Берлина.

Мы говорим друг с другом о войне и не чувствуем ложного стыда — любить наше общее, вместе радоваться его подъему и его высоте, вместе скорбеть об его несовершенствах и неудачах.

Эта открытость душ и их совместное горение смягчает сердца; а смягченные сердца уже стоят на пути к восстановлению отмершей доброты. Люди чувствуют себя как бы ветвями и листьями единого дерева; их корни где-то сплелись; их души тянутся к одной и той же, единой цели. Где-то там — мы одно. Там наше дело, наша беда, наша опасность, наше страдание, наша победа, наше восстание, наше возрождение. И это сознание, что «там» «мы одно», научает людей радоваться тому, что у них единое солнце, единый воздух, единая родина. Там я не отделим от других, от тех, кто огнем любви своей говорит: «я русский». Там нет этого разъединяющего настроения «я, а не

другие». Там — мы; мы — русский народ. И для всех нас сообща — там решается один вопрос: о нашем общем деле, о нашем общем духовном достоянии.

Что же это такое, это «там»? И к чему зовет оно нас? И о каком нашем общем достоянии решается здесь вопрос?

Раскрыть это — значит установить **духовный смысл войны**.

Бывают в жизни народов периоды и времена, когда вся жизнь, — интерес, воля, воображение, мысль и действие, — сосредоточивается вокруг единого пункта. Перед важностью его отходит на второй план все остальное; ибо его значительность, интенсивность и трагичность поглощает чуть ли не все остальные жизненные цели и стремления.

Как во время смертельной болезни нежно любимого человека, душа испытывает в такие периоды какой-то незабываемый гнет. Что бы ни делал человек, чем бы он ни занимался, ко всему присоединяется тревожный гнетущий вопрос: «а что там?» Вся жизнь окрашивается в отношении к этому пункту. Все меняется и сдвигается с его появлением. Как во время землетрясения, люди чувствуют, что колеблются какие-то стихийные основы жизни; что удержать или прекратить эти колебания не в их власти; что в жизнь их вторглось что-то новое, неизвестное; что привычная перспектива жизни и даже ближайшего будущего покрылась неверною тьмою. Как во время урагана, люди чувствуют, что их «между прочим» захватило в огромный круговорот и, что отныне жизнь их уже не строится ими, а мнется и комкается хаосом событий. И неизвестно, куда выбросит их и что сделает с ними ураган.

Согласен я или не согласен; готов или не готов — я призванный участник дела. Это участие означает, что настал для меня час принят лишения, вероятно, тяжелые физические мучения и, может быть, смерть. Это участие означает, что по внешнему принудительному приказу я должен оставить главное и любимое дело моей жизни, которому я обычно отдаю все мои силы; оставить дорогих мне людей, без которых мне, может быть, трудно прожить и один день — жену, детей, отца и мать, друзей; оставить мое жилище, мои удобства, мои привычки и удовольствия одеться в непривычную, неудобную, тяжелую одежду и начать жить по чужому приказу; неудобно и мало спать, невкусно есть, может быть, голодать, носить тяжелые вещи, много ходить; переносить непогоду, рискуя здоровьем и жизнью; жить с чужими и чуждыми мне, нелюбимыми людьми; по приказанию стрелять и рубить, ранить и убивать других, незнакомых мне людей; самому подставлять себя под чужие удары и выстрелы; жить так недели и месяцы, может быть, год; наверное, видеть насилие, кровь и смерть; вероятно, получить телесное мучительное повреждение; может быть, стать калекою на всю жизнь; может быть, в мучениях умереть.

Да, именно смерть, возможность личной смерти, ставит перед нами война. Ее наступление властно обрывает обеспеченность моей личной жизни, мою безопасность, мое спокойствие за себя. Война как будто говорит мне: «доселе ты жил так, как ты впредь жить не будешь; и, может быть, ты вообще больше не будешь жить». И в большей или меньшей степени этот голос звучит для всех: и для военных, и для запасных, и для их семей, и для врачей, и для пограничного и не пограничного населения. Помимо воли моей, без всякого повода с моей стороны, в моей жизни состоялся какой-то перелом, непоправимая беда: передо мною встало начало конца моей жизни.

И в ответ на это у человека пробуждается инстинктивный протест и желание отклонить от себя эту беду. Угроза смерти и мучений будит в душе инстинкт самосохранения.

Почему я должен обрывать мое жизненное дело и идти на смерть? Разве я ответственен за то, что другие не сумели мирно и; любовно сговориться?

Здесь впервые обнаруживается, что война есть не только потрясение, но духовное испытание и духовный суд.

«Доселе ты жил так, как ты впредь жить не будешь», — вот голос войны. Но чем же я жил до сих пор?

Всегда, когда человек стоит перед лицом смерти и видит, что будущего нет или что он бессилен перед ним, что он уже не строит его, — он обращается вспять и пересматривает свой жизненный путь. И если это бывает даже при стремительном наступлении смерти, когда прошлое проносится вихрем в угасающем сознании, то война вызывает этот пересмотр с особенной силой и отчетливостью.

Если мое дело было правое и святое, то за него стоит и умереть; если же его не стоит отстаивать всеми силами, тогда оно есть дело не верное и не стоящее... Тогда им не стоило и жить; и не стоило любить его и отдавать ему все свои силы.

Вот в чем состоит духовный суд, перед которым война ставит человеческую душу. Стоит ли жить тем, чем мы живем; стоит ли служить тому, чему мы служим? Война, как ничто другое, ставит этот вопрос с потрясающей силой и вкладывает в него простой и глубокий ответ: **«жить стоит только тем, за что стоит и умереть»**. Ибо смысл войны в том, что она зовет каждого восстать и защищать до смерти то, чем он жил доселе, что он любил и чему служил. Что бы ты доселе ни делал; чем бы ты ни занимался; чему бы ни служил, — словом, чем бы ты ни жил — умей умереть за то, чем ты жил. Этим война, ставит перед человеком начало ответственности: каждый отвечает за то, чем он жил и как он жил.

Так, война несет людям и народам духовное испытание и духовный суд. И перед лицом этого испытания инстинкт самосохранения зовет человека на путь духовного падения и деградации: сохранить себя, как живую особь, но ради этого признать себя неспособным ответить за себя и свою жизнь. Каждый из нас имеет свой крест, свою плохость и свои качества; и война учит нас брать на себя свой крест и свои дела и отвечать за них, памятуя, что каждый человек, кто бы он ни был и чем бы он ни занимался, есть сам творец своей жизни. И если жизнь его плоха, то он сам сделал ее плохой, потому ли, что не видел ее недостатков, или потому, что они ему нравились. От него зависело жить тем, что есть самого важного в жизни; главным, объективно прекрасным: душою, открытою для добрых чувств, прекрасных образов, истинного знания. И тогда оказалось бы, что ему поистине стоит защищать до, самой смерти то, чем он жил; и что смерть в этой борьбе не поразила бы его своею неожиданностью и ненужностью.

Война учит нас всех, — призванных под оружие и не призванных, — жить так, чтобы смерть являлась не постылым и позорным окончанием озлобленного и хищного прозябания; но естественным увенчанием жизни, последним, самым напряженным, творческим актом ее; чтобы действительно каждому стоило защищать дело его жизни хотя бы ценою мучений и смерти. И это простое правило сосредоточивает в себе всю вековую нравственную мудрость человечества. Оно дает преодоление смерти потому, что превращает самую смерть в подлинный акт духовной жизни.

Война учит нас проверять нашу жизнь, ее достоинство, ее качество, ее верность, ее правоту — поставляя ее перед необходимостью защищать дело ее до конца; война учит нас судить и испытывать жизнь — смертью и превращать смерть в высшее жизненное и духовное проявление. Она указывает нам путь героя и требует, чтобы этот путь стал общим, универсальным; и этим она дает разрешение основной жизненной проблемы.

Итак, война имеет духовное значение. И притом всякая война, хотя и не всякая война имеет духовное оправдание.

Духовное значение имеет всякая война, ибо всякая война есть потрясение, испытание и суд для всей жизни народа, который в ней участвует; а следовательно и для ее духовных сил. Однако, если всякая

война есть потрясение, испытание и суд для жизни народа, то не всякая война есть правая для того народа, который в ней участвует. Воюя, народ может быть прав и не прав; и война его будет иметь духовное оправдание лишь в том случае, если он прав, воюя.

Духовная оправданность войны определяется теми мотивами, которые побудили народ открыть военные действия, и теми целями, которые он, воюя, имеет в виду и осуществляет. Скажи мне, ради чего ты начал войну и ведешь ее, и я скажу тебе, прав ты или не прав. Эти мотивы и цели бывают обыкновенно ясны и до начала военных действий, и во всяком случае выясняются быстро и отчетливо. Между тем духовное значение войны определяется творческой деятельностью народа во время войны и по окончании ее. Оно определяется тем откликом, тем движением в народе, которое вызывается войною; тем духовным подъемом, который слагается в народе во время войны и после нее. Скажи мне, что вызвала война в твоей душе; скажи мне, как ты воевал, и что извлек ты из трудов и страданий войны, и я скажу тебе о том, каково было ее духовное значение в твоей жизни.

Понятно, что духовное значение и духовное оправдание могут находиться в самом различном соотношении. Так, народ может быть прав, вступая в войну, если, например, на него совершают, по-видимому, ничем с его стороны не вызванное нападение; но испытания своего он может в ней не выдержать, обнаруживая духовное оскудение или неспособность восстать на защиту своего духовного достоинства; или же превращая войну в мародерство и сам, впадая в озверение; или, наконец, обнаруживая неспособность творчески справиться с военным потрясением, его уроками и последствиями. Напротив, народ может быть не прав по тем мотивам и целям, которые привели его к войне; но зато обнаружить в войне огромную любовь к родине, истинное самопожертвование, или же способность творчески справиться с военным потрясением, его уроками и последствиями.

Понятно также, что каждая война требует особого рассмотрения с этих двух точек зрения и что притом положение каждого народа должно быть рассмотрено особо. В качестве общего закона здесь можно установить лишь то, что духовно живой, духовно сильный и творческий народ растет и возрождается и после тех войн, в которых он потерпел ратную неудачу: так было с Россией после крымской и японской войн, с Германией после наполеоновских войн. И в качестве общего правила можно установить, что каждому народу следует желать, чтобы война имела для него максимальное духовное значение, т.е. чтобы она вызвала расцвет его лучших духовных сил, от которых питаются и должны питаться все последующие поколения и другие народы.

И еще одно несомненно: какова бы ни была война и каковы бы ни были ее духовные последствия, ей всегда гарантирован известный минимум духовного значения. От нас зависит превратить этот дающийся нам минимум — в максимум. И для этого нам надлежит помнить ежечасно: мы еще творимэту войну, и в этом творчестве ни одно усилие, ни один порыв, ни одно живое искреннее слово не пропадает даром. И если перед нами сейчас встает вопрос, справимся ли мы духовно с этою войною, то попытаемся прежде всего отдать себе отчет в том, что такое война, как явление народной жизни; какие цели и какие мотивы могут сделать войну духовно оправданной, и наконец, каково наше положение в настоящей войне. И тогда только мы найдем путь к осознанию встающих перед нами духовно творческих заданий. В осознании их залог нашей духовной победы.

Мы установили духовный смысл войны, как испытания и суда над жизнью людей и народов. Война учит нас жить, любя нечто высшее, такое, за что стоило бы и умереть; любить его больше, чем себя, и доброю волею становиться на его защиту. Но все ли заслуживает такой любви и такой защиты? И, если не все, то что же именно? И против чего воздвигает угрозу война, подобная той, которую мы теперь переживаем?

В жизни народа, как и в жизни отдельных людей, бывают эпохи, когда он видит себя лицом к лицу с некоей внешней силой. Эта сила, развиваясь по своим внутренним законам, осуществляя свою природу, властно решает вопрос о бытии и жизни народа; решает, как сильный о слабом, творя свою силу и не спрашивая слабого об его согласии; решает от себя и помимо него: быть ему или не быть? Таковую эпоху народ переживает каждый раз, как перед ним реально (т.е. не только в отвлеченной возможности) встает практический (т.е. призывающий не к размышлению только, а к действию)

вопрос: будет ли он и впредь существовать, как духовно живой и духовно творящий народ, или же перед ним начало разложения, пассивности и гибели?

Такую эпоху народ переживает не только в войне. Кроме войны, наряду с нею, есть еще целый ряд событий и обстоятельств, которые ставят народ перед тем же вопросом о жизни и смерти, о расцвете его духовных сил или начинающем ее угасании их. В такую эпоху народ вступает каждый раз, как слагаются условия, угрожающие общему народному духовному достоянию.

В чем же состоит это достояние? И что значит: «духовное достояние»? И какие же условия могут угрожать ему?

Условимся называть «душою» весь поток наших внутренних переживаний, во всем его объеме и разнообразии. Душа — это в ее совокупность того, что происходит в нашем «сознании», а равно и в нашем «бессознательном», на протяжении всей нашей жизни: это наши чувства, болевые ощущения, приятные и неприятные состояния, воспоминания и забвения, впечатления и помыслы, проносящие ее в нас мимолетно, а также деловые соображения и заботы, приковывающие нас к себе надолго. (Если мы будем называть все это «душою», то «духом» мы назовем душу только тогда, когда она живет своими главными силами и глубокими слоями, устремляясь к тому, что человек признает высшим и безусловным благом. Следовательно, «дух» это прежде всего то, что значительно в душе. Это «значительное» слишком часто не совпадает с тем, что имеет «субъективное значение» для того или другого отдельного человека; мы нередко интересуем ее неважными и неглавными делами в жизни, влечем ее к тому, что нам «приятно», приковываем ее ко второстепенным подробностям, дорожим интимными пустяками, любим то, что не заслуживает ни любви, ни признания. Замечательно, что в таких случаях и чувство наши становится обыкновенно маленьким и слабым: легко угасает и не зажигает душу красотой и героическим порывом; когда же вспыхивает сильнее и принимает форму страсти, то увлекает душу в смешные и жалкие положения, или, в худшем случае, приводит человека к неистовым, озлобленным и жестоким, слепым и несчастным поступкам.

В отличие от того, что имеет только «субъективное значение», есть на свете и такое, что имеет объективное значение. И вот, когда человек живет духовной жизнью, то он испытывает нечто, как самое лучшее и высшее; не как для него только наиболее удобное и приемлемое, приятное (от приятности, принять); но как объективно важнейшее, как действительно самое главное, как значительное в последнем измерении; оно остается самым важным даже и в том случае, если многие или все люди отвернутся от него, отвергнут его и откажут ему в своем признании: потому что не человеческим избранием определяется достоинство предмета, но истинным внутренним качеством его, верностью и совершенством его перед лицом Божиим. Когда человек живет духовной жизнью, то это «важнейшее» становится и для него, в его жизни именно в силу своего внутреннего достоинства перед лицом Божиим, — предметом любви и радости. Душа, побежденная объективным качеством предмета, тянется к нему, как к солнцу, сердцем, волею и помышлением; и бескорыстно радуется этому предмету и его качеству, предчувствуя в нем и достигая через него сама высших граней, доступных человеку. Душа посвящает себя этому предмету; она творит его в жизни, осуществляет и раскрывает его, зная, что только ради этого творчества людям и стоит вообще жить на свете.

Все, что люди сделают на земле в таком духовном устремлении, — даже если они при этом добросовестно заблуждаются, — все это получает духовное значение и духовную ценность.

Человеку не дано сразу познать истину, создать красоту и осуществить в себе добрую волю; ему суждено пройти долгий путь уклонений и заблуждений, выстрадать глубину падений и отчаяния. Но все эти ступени, по которым совершается духовное восхождение человека, и точно так же все то в природе вещей, что ведет к расцвету на земле красоте, истинного знания и добра, являясь или прообразом, или необходимою основой высших достижений — все это слагает вкуне духовное достояние и духовное богатство человечества.

Согласно этому, духовным достоянием, которое действительно стоит защищать всеми силами, как высшее благо, следует признать: во-первых, все то, что создано человечеством и в частности данным

народом в его духовном устремлении — его науку, его философию, его религию, его музыку, его живопись, его литературу, его театр, его песню, его архитектуру. Во-вторых, все те живые силы, которые создают эти богатства, или могут создавать (их и создавали бы при другом, более совершенном устройстве жизни: и прежде всего жизнь каждого отдельного человека, как возможность своеобразного отражения и выражения духовной высоты; и особенно — личную жизнь национального гения, как уже осуществившееся чудесное выражение духовного полета. Наконец все те основные и необходимые жизненные условия, и формы, вне которых гибнет или не расцветает духовная жизнь народа: это — свобода жизни, искания и созидания, т.е. экономическая, политическая и церковная не стесненность в личном, групповом, национальном и государственном самоопределении. Чтобы жить прекрасно, надо жить свободно: человек не должен притеснять человека. Чтобы жить прекрасно и свободно, народ не должен прозябать впроголодь или платить за пропитание неотрывным, целодневным, изнуряющим трудом.

Все это — духовные блага, духовное достояние народа. В этом объёте все то, без чего жизнь людей на земле не может стать достойной и прекрасной: то, что творится в духовном устремлении; те, кто творит явление духа, и та основа жизни, на которой слагает ее и вырастает духовное явление. Из этого достояния не должна быть изъята и так называемая «материальная культура». Пусть люди, пренебрегающие душою и не ведающие духа, предаются служению ей, как якобы самостоятельной ценности, и живут в слепоте к ее духовному назначению; они осуществляют хозяйство ради хозяйства, накапливают богатство ради богатства, развивают технику ради технического развития, предпринимают вооружения ради того, чтобы лучше вооружиться; они слепнут постепенно, застревают во вторичном и служебном, в средствах, принимая элементарную и материальную основу прекрасной жизни за самоё прекрасную жизнь; и только величайшие кризисы, и потрясения, — экономические, политические и военные, — в которые их неизбежно вовлекает их слепая работа, способны хоть на миг пробудить их и напомнить им о высшем назначении человека.

И вот тогда, когда народ сознает свое общее достояние, и умеет любить его, и когда совершается событие, угрожающее этому духовному достоянию, его бытию и росту, — тогда он внемлет призыву: встань и смотри, что угрожает твоему духовному достоянию и что надлежит тебе делать?

Таковы все события, допускающие и требующие творческого ответа со стороны народа, усилий и борьбы. Уже тогда, когда близится голод или черная смерть, и мор грозит унести несметные народные силы; или, когда стихия огня или воды грозит истребить жизнь и жилища и иное богатство народное, — лучшие силы нации идут на борьбу с бедою и полагают свою жизнь ради предотвращения худших зол и бед.

Но несравненно глубже потрясение и одухотвореннее призыв тогда, когда опасность грозит не элементарной основе духа, а зрелому явлению его.

И вот история свидетельствует о том, что творчески и духовно живые народы умели достойно реагировать на все эти опасности и угрозы, особенно, если они касались осознанного и любимого народом зрелого духовного достояния. Такой народ отвечает на духовное бедствие духовной активностью, напряженною героическою борьбой. Он отвечает на стихийное бедствие — организованной самопомощью; на смерть гения — порывом к духовному самоуглублению и очищению; на подавление религиозной очевидности — реформацией; на борьбу со свободною наукой — открытым исповеданием истины; на несправедливый гнет — политическою самоорганизацией; а на внешнее нападение — народною войною.

Бесспорно, такую эпоху народ переживает не в каждой войне. Не всякая война имеет такое духовное оправдание, хотя каждая воюющая сторона старается изобразить свое дело, как духовно оправданное. Это стремление обнаруживается в наш век больше, чем когда-нибудь. И вот мы видим, как слагается так называемая «публичная идеология» войны, которая имеет свою практическую задачу и нередко осуществляет ее даже в том случае, если вся она насквозь фальшива и искусственна. Но именно поэтому ее необходимо отличать от подлинных духовных целей войны. Публичная идеология есть нередко не что иное, как идейный дурман, потребный воюющему для поддержания в себе воинственного самочувствия. Напротив, истинные духовные мотивы войны не

могут быть выдуманы искусственно; они нередко лишь смутно чувствуются народом; они нередко живут на ряду с публичной идеологией, утверждая свою независимость и свою жизненную силу, т.е. свою способность направлять деятельность людей.

Народная совесть, не обманутая ложью и не затемненная «публичной идеологией», решает, нередко с поразительной безошибочностью, вопрос о духовной оправданности войны. Она ставит этот вопрос так: что будет с нашим духовным ростом, и, далее, шире, что будет с духовным развитием человечества вообще, если не мы победим в этой войне? И прежде всего: останемся ли

мы свободно живущим и духовно творящим, духовно самобытным народом? И еще недавно, в японскую войну, мы говорили: да, останемся; война эта не грозит нашему духовному достоянию; нельзя воевать просто из-за территории или из-за сомнительного рынка. И война та не стала народной войной.

Как это просто и понятно: нельзя дать себя поработить; нельзя дать превратить себя в средство для хозяйственного процветания другого народа. Духовный рост немислим в условиях принудительности и порабощения. Эту элементарную, великую аксиому мы все признали и восстали. И война эта, воистину духовно оправданная война, стала войной народной.

После всего сказанного нетрудно признать, что всякая оправданная война есть духовно оборонительная.

Потому что великий народ, обороняясь, заставляет прежде всего признать свою самобытность, заставляет противника покончить со всеми этими недостойными разговорами о мнимом варварстве, заставляет отныне уважать себя и видеть в себе равного, хотя по возрасту и младшего брата в духовной семье великих народов. Обороняясь, он утверждает свое неотъемлемое право на свободный рост и духовную независимость; он собирает в этой борьбе свои племена и ответвления, и полагает основание свободному и равному общению между народами. Так, настоящая война должна повести к тому, чтобы все иностранцы и главное немцы рассмотрели, наконец, духовную самостоятельность и духовную глубину России, ее духовную силу и значительность. Эта самобытность никогда не мешала нам учиться у других народов, и не помешает этому и впредь; но «учение» — это должно оставаться всегда делом нашего внутреннего и самостоятельного труда, не заслуживающего ни в каком отношении и ни с чьей стороны презрения. И вот теперь, если сказать, что война имеет духовную природу и духовный смысл, то это не должно показаться неожиданным. Война есть прежде всего явление народной жизни; а жизнь народа имеет духовный смысл, определяющийся единым и высшим назначением человека. Война есть совместное, совокупное деяние людей, сознательное, напряженное творческое дело огромного множества сотрудников. В этом творчестве участвует весь воюющий, и тело его, и душа, т.е. и сознание, и чувство, и мысль, и воля, и воображение, и то бессознательное, расстройство которого приводит к нам с передовых позиций душевно больных воинов. И прежде всего, и главное всего война есть дело воли, подчиняющей себе воображение и чувство, извлекающей из тела и души максимум усилий и стойкости.

Все то, чем человек в обычное время любит благородство и презирает низость; радуется красоте и страдает от уродства; мыслит в познании и рвется к лучшему; сомневается и верует, — все эти силы души и духа оказываются вовлеченными

в войну. Война есть деяние не только тела, но и души; не только тела и души, но и духа. Война не есть чисто физическая или физиологическая борьба вооруженных масс; она есть, как это ни странно на первый взгляд, общение людей, хотя и с резко и неравномерно распределенным «содействием», и «противодействием». Война, подобно спортивной борьбе, пешеходному путешествию, физическому труду, есть порождение телесного «могу», вызываемого и руководимого душевным «хочу», «понимаю», «чувствую». Это телесное «могу» имеет, конечно, свои пределы; но пределы эти подлежат огромному расширению и чуть ли не упразднению под давлением духовно живущей воли.

В войне сталкивается именно воля с волей, дисциплина с дисциплиной и это одно вовлекает в нее все духовные силы человека. Страшна и непобедима армия, решившая победить; деморализация армии есть именно разложение ее воли и решимости. Но воля, питающаяся из духовного подъема, не поддается разложению; ибо акт души именно тогда стоит на своей жизненной и творческой высоте, когда он есть акт духа. Для того-то и служит публичная идеология, пытающаяся оправдать войну; ибо армия, чувствуя себя духовно и нравственно неправой, катится по наклонной плоскости вниз. Душа, именно как дух, есть полновластный руководитель всего человека и его действий. Доказывать этого не стоит; достаточно просто указать на исторические примеры: на Муция Сцевола, на христианских мучеников, на крестовый поход детей, на пытки, вынесенные Кампанеллою., на судьбу всех идейных мучеников и заключенных, — на все те реальные явления, когда тело, насыщенное одухотворенною душою, возносило человека к победе в непосильной борьбе. И в этом сокрыт для нас новый и глубокий урок войны.

Теперь нам не нужно уже доказывать, что каждый народ воюет именно так, как он жил до сих пор. Война, как духовное испытание, развертывает и в армии, и в населении, оставшемся на местах, именно тот дух, который выношен народом в мирное время. В современной войне, оперирующие огромными массами мирного, так называемого «запасного» населения, эта связь становится особенно попятной. Каждый народ вносит в свою войну те нравы, те обычаи, то представление о добре и зле, то правосознание, ту доброту и то озлобление, ту способность к состраданию и самопожертвованию, которые он взрастил в себе у своих очагов. Момент напряженной борьбы обостряет и проявляет духовный уклад народной жизни и обнажает с неумолимою силою духовные и нравственные недочеты народной души. Каждый народ может и должен осознать в недостатках своей военной организации и своего воинского духа — пороки своей жизни, найти в себе их корни и обратить свою духовную энергию по окончании войны на излечение этих больных корней.

Кадры армии суть не что иное, как живые куски народного состава и эта связь оказывается тесною и прочною до последней степени, когда вспыхивает народная война.

Народная война есть совокупное духовное напряжение всей нации, направленное к победе над тою силою, которая стала на пути духовного роста народа. В такой войне неминуемо отходит на второй план юридическое деление народа на «комбаттантов» и «не-комбаттантов». Международное право делит так население воюющей страны, признавая комбаттантами тех, кто открыто, с разрешения главного командования носит оружие. В народной войне это различие теряет свою реальную важность, потому что отношение человека к войне определяется более существенным, из глубины идущим подъемом духа. В народной войне, которая является скрытою формою или началом партизанской войны, воюющим оказывается как носящий оружие, так и не носящий его. Всякий, кто участвует в этом совместном духовном направлении воли, мысли, чувства и действия, ведущем к общему и единому результату, именуемому победою, — всякий является духовным воином. Все граждане, творчески горящие о войне — все воюют; все поднимают бремя этой единой великой борьбы, каждый на своем месте, по-своему, в своей доле, определенной, помимо закона, еще и добровольно. Дающие, организующие, лечащие, пишушие, говорящие и даже те, кто, лишенные почему-нибудь возможности помогать словом и делом, просто печалятся о страшной беде и радуются удаче, — все воюют. И, если война есть бедствие, то все, творчески горящие о войне, — все участвуют в этом бедствии. И, если война, как организованное убиение, есть вина и жестокость, а как духовный порыв и самопожертвование, — подвиг, то все эти люди разделяют эту вину, и жестокость, и подвиг.

Такая война является поистине духовно творческим процессом в жизни народа. В ней дух народа становится духом армии; а дух армии питается из единого всенародного порыва. Солдат, носящий оружие является вооруженным воином; а мирные граждане становятся невооруженным воинством. В такой войне призыв под оружие меняет лишь способ участия и степень участия в войне. В такой войне воевать не значит сражаться; но сражаться — значит воевать в духе и ради духа. Тогда сражение получает значение духовного подвига; а война захватывает всю душу и весь дух народа. Война получает значение всеобщего духовного пожара и нет сил, которые могли бы победить такой народ.

Такая война с силой, подчас неожиданной, заставляет человека почувствовать и признать, что его «я», весь его внутренний мир, существует на свете только в качестве живого члена народа, единой живой нации, этого большого, растянувшегося во времени и с виду разбросанного в пространстве «мы». Каждый из нас незаметно с раннего детства впитывает и уже впитал в себя элементы того характера, той добродетели, той красоты, того мироощущения, того чувства Бога, которые уже осуществлены и еще осуществляют ее нашим народом сообща. И часто мы забываем о том, на чем мы стоим, из чего мы состоим, чем проникнуты, — ту духовную основу, на которой каждый из нас вышивает свою жизнь новым, еще никогда не бывшим, своеобразным узором; забываем потому, что сосредоточиваемся на наших личных особенностях, на том, в чем мы не похожи на других, на тех индивидуальных отличиях в нравах и

в судьбе, в которых утверждается наше «я» и его жизнь.

И вот война есть тот час, в который обособившееся в этих отличиях «я» испытывает, мало сказать: свою связь, — свое тождество, свое постоянное, непрекращающееся совпадение с элементами общего народного духа. В такие минуты, человек потрясенный и духовно раненый, испытывает с необычайной силой, что он немислим и невозможен без своей родины, т.е. без вскормившей его духовной жизни его народа. Каждый из нас чувствует, что поток, в котором он всю жизнь плыл и будет плыть до смерти, есть поток русской жизни; что дом его, в котором он живет духовно, сложен из камня нашей России; что огонь, от которого загорелась его жизнь, был русский огонь и погаснет он, как русский. Конечно, тело «мое» и душа «моя» могут жить и вдали от родины; это испытали мы все, бывшие за границей. Но дух, оторвавшись, прекратится так, как умирает отсеченный член организма. Именно эту связь имели в виду Аристотель и Гегель, когда говорили, что без народного духа реально невозможен личный дух.

И когда война ставит под угрозу это единое, вскормившее нас всех лоно, то душа каждого из нас слышит вопрос: если это тебе не важно, то что же тебе вообще важно и дорого на свете? если это не уводит тебя из узких и, душевных сфер лично мелочного житейского кропанья, то что же вообще может увести тебя? и если мы этого не защищаем, то что же мы такое?

В такое время естественно отложить или отодвинуть на второй план все узколичные дела и интересы. Но тем сильнее должен разгораться духовный подъем.

Духовный подъем есть то настроение души, когда она энергично и сознательно направляет свои силы на творческое осуществление безусловного и конечного блага; когда человек начинает жить высшим и лучшим, что ему доступно на этом свете — истинным знанием, создаваемой красотой, доброю и благородною волею. У этих источников и только у них душа почерпает, всегда почерпала и всегда будет почерпать непобедимость в борьбе: когда она с силою духовной очевидности знает истинную цель своей жизни; с силою духовного чувства любит то за что борется; с силою духовного стремления желает осуществления своей цели; и с силою духовного верования убеждена в неминуемой победе благого и правого дела.

И потому мы можем сказать: если в воюющей стране воцарится упадок духа, прекратится наука и философия, умолкнет искусство, угаснет нравственное и религиозное искание, то страна эта станет на краю поражения. Ибо дух армии таков, каков духовный подъем среди ее народа. Свободное, углубленное искание истины, добра и красоты должны не прекратиться среди народа, вовлеченного в войну, но разгореться еще ярче.

Великий народ, т.е. всякий духовно творческий народ только и может и должен воевать, оставаясь на духовном уровне. Такой народ не может и не должен и не смеет мириться с тем, что война станет для него духовным падением. Война есть для него духовный подъем, в котором он не только остается верен себе и своему уровню, но поднимает ее еще выше, почерпая силу в своей правоте и во всенародности своего порыва.

И вот, если мы пойдем к победе на этом уровне, то победа наша будет действительной, истинной победой. Ибо она будет победою сразу над врагом и над собою. Вспомним и не забудем, что жизнь

России не кончает ее этою войною, а, может быть, только начинается; что нам предстоят еще впереди горы напряженного, самоотверженного труда над нашим внутренним устройением; что нельзя сводить все задачи России к ратному напряжению ближайших месяцев и ограничивать ее жизненные перспективы этою войною. Необходимо все время помнить, что война есть этап не только во внешней истории, но и во внутренней жизни России; что она не есть эпизодическое событие, вдвинувшееся механически между прошлым и будущим; что победа может быть добыта только в результате духовного подъема и духовного напряжения живых внутренних сил России. А этот подъем есть уже сам по себе начало нашего возрождения.